

**Владислав Вильгельмович
Хлебович** — зоолог,
гидробиолог. Главный научный
сотрудник Зоологического
института РАН, доктор
биологических наук, профессор.
Много лет возглавлял
Беломорскую биологическую

станцию на мысе Картеш. Автор четырех научных монографий
и около двухсот статей. Научно-популярные книги — Пока ещё
не домашние (1987), Агрозоология (1991), Кадры жизни одного
зоолога (2010).

**В.В. Хлебович —
ЖИВОТНЫЕ
и МЫ**

В.В. Хлебович

ЖИВОТНЫЕ и МЫ

ББК 000
000

000 В.В.Хлебович. **ЖИВОТНЫЕ И МЫ** / 00000000 — СПб.: Изд-во 00000000000, 2013. — 000 с.
ISBN 00000

Сборник рассказов о взаимоотношениях животных и людей в условиях города и в дикой природе. Автор, профессиональный зоолог, описывает виденное и пережитое им самим, или рассказанное пользующимися его доверием коллегами. Поэтому рассказы научно достоверны и познавательны. Они воспитывают внимательное и ответственное отношение к животному миру, способствуют так нужному в наше время экологическому воспитанию.

Книжка рекомендуется широкому кругу читателей и, как проверено на друзьях автора, — для семейного чтения.

ISBN 00000

ББК 000
© В.В. Хлебович

Из детства

Семь сорочат

Когда я, теперь уже давно городской житель и пожилой человек, изредка вижу сорок, всегда вспоминаю далёкое детство и тех семь сорочат.

Тогда мне было одиннадцать лет. Завершался второй год Отечественной войны. Этой весной нам, эвакуированным, дали землю для огорода, мы посадили картошку в виде выпрошенной в соседней военной части ко- журы с глазками, но до урожая было ещё далеко. И было голодно.

И тут заболела бабушка: её терзала обычная тогда в наших краях, под Воронежем, малярия. День озноба с высокой температурой сменялся коротким отдыхом, потом опять — жесточайший приступ. Из соседней военной части позвали врача. Категорическое заключение — изнуренный организм

спасёт только крепкий бульон. Ежедневно, не менее недели.

Неделя... Неделя... Неделя — это семь дней... И сорочат ведь тоже семь... Их гнездо в густом молодом сосняке я навещал часто. Удивлялся, как они быстро растут: уже походили на взрослых птиц, только хвосты оставались короткими и клюв у основания был желтоватым. Я брал их в руки; казалось, что птенцы густо пахли солнышком, и они перестали меня бояться.

Сорочат было семь. Каждый день я брал из гнезда одного, и, окаменев внутри, убивал его, ощипывал и готовил тарелку крепкого бульона. Семь сорочат — семь тарелок бульона, как раз на неделю. Доктор сказал, что бабушку мы этим подняли, а я всю жизнь ношу чувство вины перед этими красивыми, подвижными и умными птицами. Недавно прочитал, что в каждом крупном европейском городе почему-то всегда явно доминирует лишь один вид врановых птиц. Например, Санкт-Петербург — это город ворон, Орша — галок. Знаю, что город сорок — Варшава.

Блокадные мышки

Блокадный зимний Ленинград. Темно, голодно, холодно. Перед сном Ирма с мамой протопили буржуйку — самодельную маленькую железную печурку. Топили книгами. В огонь отбирали классику, потому что мама была уверена, что по-

сле победы её переиздадут в первую очередь. Хуже всего горела толстая мелованная бумага, её листы сначала надо было мять и скручивать трубочкой. Постелили три матраса, легли в зимней одежде, в которой ходили и днём. На себя накинули всё, что можно, но всё равно было холодно.

Вдруг при бликах догорающей бумаги мама и дочка заметили какое-то шевеление. Присмотрелись — это маленькая мышка откуда-то перетасила на ещё тёплую от топки паркетину голенького единственного своего мышонка и, улегшись на боку, кормила его. Мама собралась встать и выкинуть эту гадость.

— Мамочка, не надо! Пусть остаются. Они ведь тоже блокаду переживают!

А мясо-то лучше!

Первые послевоенные годы тоже были нелёгкими. Все много работали и не всегда были сыты. Но во многих семьях старались после работы или в выходной день обедать вместе. В тот день мама приготовила картофельное пюре и даже на простокваше. Положила всем в их тарелки, а также кошке в её блюдечко. Кошка понюхала, фыркнула и ушла в приоткрытую дверь.

Когда все поели и встали из-за стола, а посуду ещё не убрали, появилась кошка — хвост трубой, в зубах мышь. Кошка направилась к маминому стулу, прыгнула на него и положила мышь в мамину тарелку. Потом с гордым видом оглянулась, явно ожидая похвалы.

Жеребец Дикарь и котёнок

До чего привлекательным местом для детворы были когда-то конюшни! Ведь лошадок-тружениц было куда больше единичных грузовиков. Стайки мальчишек и девчонок часами держались у раскрытых ворот конюшни, из тёмной глубины которой шёл густой запах и доносилось всхрапывание и перестукивание копыт по дощатому настилу. Ждали, когда из стойла выведут коня и начнут его запрягать, или, наоборот, лошадка вернётся с работы и её начнут распрягать, постепенно освобождая от упряжи. Восхитительное зрелище!

А как счастливы мы были, когда объявлялось купание лошадок и старшим мальчишкам разрешалось залезть на спину самым мирным животным и, проехав до нашей речки Усманки, погрузиться в её теплую воду. Конечно, мы знали все клички и характеры обитателей конюшни. И все мы испытывали мистический ужас перед жеребцом-трёхлеткой по кличке Дикарь, которую он полностью оправдывал. Дикарь никого не подпускал к себе, злобно отбиваясь передними и задними ногами, скосив налившиеся кровью глаза. Несколько раз конюхи безуспешно пытались его объездить. Без этой процедуры, когда человек преодолевает волю к свободе и страх лошади перед упряжью и седлом, работника из неё не полу-

чится. Подумывали о его дальнейшей судьбе, что делать с неработающей обузой?

Как-то после очередной неудачной бурной попытки взнуздать Дикаря, когда он приходил в себя в своём стойле, мы увидели, что в конюшню неспеша вразвалочку вошёл рыжий котёнок. Мы все обратили внимание, что он такой же масти, что и Дикарь, и от нечего делать стали следить за ним. В глубине конюшни котёнок направился прямо к входу в стойло Дикаря и скрылся в его проёме. И вдруг в стойле стало тихо — Дикарь больше не всхрапывал и не переступал нервно по настилу.

На следующий день, когда мы пришли к конюшне, конюхи обсуждали потрясающую новость — Дикарь был удивительно спокоен, а рыжий котёнок почти всё время проводил у него. Выходил из стойла, чтобы что-нибудь поест из предлагаемого конюхами.

Когда через год я приехал на каникулы, первое что я увидел — из телеги выпрягали Дикаря. Красивый, спокойный, уважаемый работник. Конюхи сказали, что по-прежнему его часто навещает тот самый рыжий кот, ставший огромным котищем. Правду говорят — кошки умиротворяют.

Бобры на Смоленке

Если бы я был индейцем, моим тотемом-покровителем наверняка был бы бобр. Вскоре после моего рождения родители переехали на работу в недавно созданный Воронежский бобровый заповедник. Организован он был после того, как здесь в пойме речек Ивницы и Усманки неожиданно встретили поселения бобра. Много лет это животное считалось полностью истребленным из-за его ценного меха. Заповеднику была поставлена задача изучать и охранять обнаруженных бобров, и всемерно способствовать их размножению. Сотрудники работали с энтузиазмом. Скоро была создана первая в мире бобровая ферма, а бобров стало столько, что ими можно было поделиться с другими далёкими районами, где бобры жили раньше, но потом были истреблены. Первую партию наших воронежских бобров вывезли на Кольский полуостров в Лапландский заповедник. А дальше пошло-поехало — бобры стали быстро расселяться по берегам водоёмов страны. Для меня всегда этот зверь связан с памятью о детстве и во встреченном бобре я вижу результат труда близких мне людей.

Сейчас я могу, как в детстве, встречаться с бобрами, если захочу, ежедневно. Хотя живу я теперь в большом городе Санкт-Петербурге на Васильевском острове в пяти минутах ходьбы от станции метро Приморская. Напротив станции метро — такое же большое здание Института Арктики и Антарктики. А между ними протекает речка Смоленка. Здесь позапрошлой зимой я заметил на снегу знакомые с детства следы бобра, ведущие к лунке. Сейчас бобры живут чуть выше по течению, где по берегу растёт ивняк — любимая их пища. И я приветствую потомков своих земляков.

Пернатые хищники

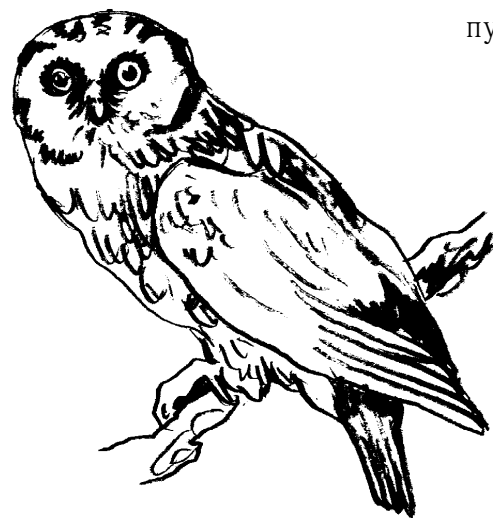
Далёкое-предалёкое детство. Макушка лета — июль. Вдоволь накупавшись в речке, бросаешься в горячий песок сначала животом, потом переворачиваешься на спину. Привычно следишь, как высоко в голубом небе кружат хищные птицы — орлы, коршуны и какие-то ещё. Обычная картина.

Недавно побывал я в тех местах. И за много дней не увидел ни одного парящего в небе пернатого хищника! Стало грустно — мир явно обеднел. Много лет человека с ружьём убеждали истре-

блять хищных птиц при всяком удобном случае, как врага полезной дичи или похитителя цыплят. К этому призывали даже некоторые детские писатели-природолюбцы. Один из них почти с восхищением описывал находчивость лесника, который помещал на конёк крыши дома чучело голубя с пропущенной через него стальной спицей. Ястреб или коршун атаковал чучело сверху и нанизывался на спицу. Одной красивейшей птицей становилось меньше. А ведь хищные птицы так же нужны в природе для её сохранения в полном виде, как, например, волки.

В самом древнем своде законов нашей страны — “Русской правде” Ярослава Мудрого — описываются штрафы, которые должны быть выплачены хозяину за причинение вреда его скотине. И там среди привычных нам домашних животных — коров, лошадей, коз, баранов, гусей, уток и кур — упомянут журавль. Эта высокая сильная птица с острым клювом и острым взором охраняла крестьянский птичий двор не только от пернатых, но и от четырёхногих хищников — лисиц и хорьков. Хищникам оставалось убираться в лес и уже там продолжать выполнять важную для экологии роль санитаров, убирая слабых больных животных и поддерживая нужный пресс естественного отбора. Как приручали журавля, неизвестно. Скорее

всего, на болотах из гнезда забирали яйцо и подкладывали его какой-нибудь домашней птице.

Выяснилась ещё одна причина почти полного исчезновения пернатых парителей. Обнаружили её молодые тогда орнитологи Зоологического института Академии наук. Известно, что перелётные и кочующие птицы летят с севера на юг и с юга на север не абы как, а придерживаясь определённых путей. Одна из таких излюбленных птичьих дорог — Куршская коса, тянущаяся узкой полосой между Балтийским морем и Куршским заливом более, чем на 90 километров. Здесь орнитологи построили гигантские ловушки, действующие по принципу мерёжи. Одни с широким входом, смотрящим на юг, другие — на север. Птицы залетают в широкие ворота, летят по постепенно сужающемуся коридору из сетки вплоть до маленькой камеры, где и накапливаются, обычно в огромных количествах. Там их отлавливают, определяют вид, пол, возраст, упитанность. Записывают всё это в журнал вместе с номером кольца, который надевают на ногу птице, и отпускают её на волю.

Поймавшие окольцованную птицу люди сообщают в Москву, в Центр кольцевания птиц номер кольца, место и время обнаружения птицы. Так постепенно устанавливается маршрут перелёта птиц разных видов. И в нашей стране первое место в этой интересной и важной работе занимают орнитологи Куршской косы. В год через их руки проходит около ста тысяч птиц разных видов!

Конечно, больше всего в ловушку попадают самые обычные птицы — скворцы, дрозды, зяблики, синицы и др. Значительно реже учитываются такие виды, которых мы почти не встречаем или любимы ими только в зоопарках. Но при такой уловистости ловушек в них и редкие виды попадают в таком количестве, что можно проследить изменение их “улова” год от года. Оказалось, что количество попавших в ловушку крупных ястребов-тетеревятников, меняющееся год от года, можно прямо связать с использованием в сельском хозяйстве препарата ДДТ. Это был первый высокоэффективный препарат, который стали широко применять против на-

секомых вредителей полей, огородов, садов и даже лесных деревьев. За открытие и использование ДДТ была даже присуждена Нобелевская премия. Но позже оказалось, что ДДТ вредит не только насекомым. Особенно от него страдают хищные птицы, верхушка пищевой пирамиды, которые под влиянием этого вещества откладывают дефектные, неспособные к развитию яйца. Сейчас применение ДДТ повсеместно запрещено. И орнитологи с Куршской косы убедительно показали, что сразу после этого запрета началось увеличение численности ястреба-тетеревятника.

Будем надеяться, что мы ещё увидим кружащихся в голубом небе ястребов, коршунов, луней и даже красавцев орлов.

В городе

Воробьи и мороженое

Жара... На перроне Балтийского вокзала небольшая лужица растаявшего мороженого — кто-то уж очень торопился в вагон. К ней слетелись четыре воробья. Бестолково прыгают вокруг, но никак не могут добраться до лакомства. Лужица мелкая, только самый кончик клюва смачивается. И язычок у птиц не такой, чтобы лизать можно было. Безвыходное дело!

Но вот появился ещё один воробышек. Прыгнул туда, потом сюда. Потом присел, приложился щёчкой к лужице и быстро задвигал клювом. Молодец! Нашёлся!

Белка-миротворец

Иду по любимой дорожке Удельного парка. Впереди на скамейке около почти пустой водочной бутылки три краснокожих мужика громко, с матерком, выясняют отношения. Того и гляди дойдёт до мордобоя. Остановился, прикидывая, с какой бы стороны их обойти. И вдруг увидел рыжую белочку, прыгающую по полянке прямо к собутыльникам. Дурочка, — думаю я, — тебя там только не хватало!

А мужики, увидев зверька, преобразились. Стали говорить негромко, даже ласково, искали что-то в карманах, протягивали к белке руки. Я прошёл мимо них сам умилённый.

Хромой голубок

Это происходило прошлой зимой почти ежедневно по утрам. Я открывал окно кухни на нашем девятом (последнем) этаже и выкладывал на узком железном карнизе хлебные крошки и остатки каши. Почти срезу же, после того, как я закрывал окно, слетались голуби. Они, бестолково толкаясь, спешно клевали, не обращая на меня, стоящего за стеклом, никакого внимания.

Вскоре в сторонке аккуратно присаживался хромой голубок, у него не было одной лапки. Он вытягивал шею и начинал искать меня сквозь стекло. Когда мы с ним встречались взглядом, я открывал окно, бестолковая стая улетала, а хромой голубок смело клевал, что осталось. И при этом мы часто смотрели друг на друга. Особые отношения. Он был моим голубем, я был его человеком.

Охрана и ворюги

Моя соседка Людмила до последнего времени работала заведующей заводской столовой. Каждое утро у неё начиналось с посещения кладовки с продуктами. Первым делом она мыла стоящую недалеко от двери мисочку и клала в нее разные вкусности — варёную колбаску, сыр, свежие фрукты. Рядом за её действиями спокойно наблюдали три крупные с лоснящейся шерстью серые крысы. Потом Людмила отбирала на сегодня продукты для кухни,

а крысы приступали к привычной трапезе.

Когда Людмила выходила на пенсию и увольнялась, она долго уговаривала пришедшего ей на смену мужчину продолжать кормить её трёх крыс. Но он, крысиный ненавистник, (кто его осудит?) в первый же день отловил и ликвидировал ставшую доверчивой троицу.

А через несколько дней кладовую было не узнать. Почти все мешки с крупами и сахаром были прогрызены, а продукты загажены помётом. Испорчены были выложенные с вечера из морозилок масло, мясо и колбаса. Потери были огромны, несравнимы с тем, что тратила Людмила на свои друзей. Оказывается, три сильные, всегда сытые крысы охраняли свою территорию и не допускали в кладовку неорганизованную банду сторонних крыс.

Серые вороны

Моё отношение к этим птицам, таким обычным в нашем городе, очень противоречиво. С одной стороны, нужно признать, что они исключительно умны и находчивы. Какая ещё птица, найдя сухую корку, будет искать подходящую лужу и терпеливо ожидать, пока сухарь не размокнет, и его можно будет расклёвывать. А вот до чего додумались японские вороны (там живет чёрный подвид нашей серой вороны). Птица с грецким орехом в клюве занимает позицию на обочине доро-

ги возле светофора. Когда на красный свет останавливается грузовик, ворона быстро подкладывает орех под его колесо. Когда машина уедет и снова загорится красный, птицы склёвывают расколотый орех.

Как-то весной я заметил, что вороны полностью покинули наш город. Оказалось, что на окрестных полях вода от бурного таяния снега изгнала из норок массу мышей и полёвок, и вороны переключились на охоту на них. Каким-то образом сговорились?

Эта птица не лишена юмора. Вот виденная мной картинка. По забору-штaketнику осторожно идёт кот. Одна ворона прыгает перед ним, явно дразня. Вторая, следя за действиями первой, выбрав момент, сзади дергает кота за хвост. Действуют они согласованно и это не связано с охотой. А ещё мой друг наблюдал в бинокль, как вороны, расправив крылья, на попе, клювом вперед, скатывались с позолоченного купола знаменитого Исакиевского собора. Чем не спорт эта игра?

Вот уже три года, как мою приятельницу, когда она выходит на прогулку, сопровождают две вороны. Они не отказываются от подношений, но никогда их не клячат. Это похоже на дружбу — с полным взаимным доверием. А моя соседка рассказала, что ворона встречает её у проходной после смены и долго провожает

до транспорта. И что они очень довольны общением. И всё это в условиях большого города без предварительного приручения в клетке. Похоже, вороны способны к дружбе, почти бескорыстной.

Много загадок в этой казалось бы самой обычной птице. Вот, к примеру, ещё одна. Довелось мне как-то ранней весной быть в командировке в Астрахани. Поселился я в гостинице на последнем этаже с видом на Волгу. Везде в городе снег уже сошёл, но Волга была ещё подо льдом. После рабочего дня, узнав, где я остановился и какой у меня вид из окна, ко мне в номер пришли двое коллег-зоологов. У одного с собой был бинокль. Они выставили в ряд перед широким окном стулья и предложили наблюдать за Волгой. Потихоньку начало смеркаться. Довольно далеко от берега на льду образовалась небольшая группка ворон. Скоро птиц стало больше, да и собирались они не в одну, а в три-четыре кучки. Ясно, что на льду, где издали видно приближение недругов, вороны, весь день рыскавшие по городу поодиночке в поисках пропитания, устроили пункт общего сбора. И вот что удивительно, отдельные вороны не сидели на льду спокойно, а постоянно перелетали от одной кучки к другой, как бы ища своих. Стало темнее, перепархивание птиц почти прекратилось. И вдруг группа ворон дружно поднялась в воздух и полетела в одном, явно известном ей направлении. Совсем скоро в воздухе была вторая сложившаяся на льду группа, тоже летевшая

к берегу, но немного в другом направлении. Так же поступили и вороны из других кучек. Каждая стая, сформировавшаяся на льду по какому-то принципу, летела на ночёвку на своё место, не смешиваясь с другими птицами, с которыми они не хотели теперь иметь дело.

Мои друзья предположили, что вороны, которых мы наблюдали, это кочевники, прилетевшие с севера, где ещё снега и голодно. Прилетели они из разных мест и образуют здесь своего рода землячества. Днём в поисках пищи они все перемешиваются, а под вечер собираются на льду Волги в группы “своих” и землячествами летят ночевать на избранные деревья. Мне это кажется правдоподобным. Но тогда нужно признать, что вороны, прилетевшие из разных мест, имеют какие-то опознавательные знаки. Скорее всего, это особые звуки, своего рода местные диалекты. Всё это требует проверки.

Дважды мне удавалось услышать удивительно милое пение ворон. Это случалось два года подряд в Ботаническом саду в морозные дни, когда солнышко днём явно начинает припекать. Одиночные птицы сидели на верхушках больших сосен и тихо-тихо под сурдинку мелодично пели. Мне это тогда напом-

нило, как когда-то в пустом вагоне ночной электрички три пожилые цыганки пели друг для друга — без надрыва, тоже тихо-тихо.

А теперь о воронах сурово и даже жестоко. В некоторые годы в европейской части России орнитологи насчитывали до 25 миллионов серых ворон. Можно не сомневаться, что раньше, например, во времена дедушки Крылова, ворон было много меньше. Их численность росла с ростом городов и вывозимых из них пищевых отходов. Изменилось и поведение ворон. Если раньше эти птицы гнездились друг от друга не ближе километра, то сейчас они могут позволить соседке выводить её потомство в 10–15 метрах от своего гнезда. Вороны внимательно следят за всем, что происходит в городе или природе, не упуская возможности поживиться. Весной и летом они — самые страшные, самые грозные разорители птичьих гнёзд. Поэтому главной причиной исчезновения из городских парков многих певчих птиц считают именно ворону. Полагают, что если сократить численность ворон, богатство птичьего населения заметно увеличится. Вот такая экологическая проблема.

Свиристели

До чего же красивы эти птицы, внезапно и на короткий срок появляющиеся стаями в городе после первых морозов! Компактное тельце цвета какао с молоком, чуть более тёмная спинка и короткий хвост, пёстрые — чёрные с белым и жёлтым — крылья. На голове чёрная от глаз до клюва маска, чёрный подбородок и изящный красноватый хохолок. И какое им дали хорошее название — в нём что-то от свиста, что-то от свирели. Обычно они мелодично переговариваясь быстро объедают рябину. Каждый раз, когда слышим характерный тихий посвист свиристелей, мы с женой останавливаемся и любимся ими.

Поэтому, когда на нашем птичьем Калининском рынке мы увидели продающуюся в клетке пару свиристелей, мы, не задумываясь, их купили. В вагоне трамвая не только мы, но и все пассажиры умилились, когда птицы бесстрашно брали с рук приложенную к ним продавцом рябину. Дома мы поставили на подоконник ведро с песком, утвердили в нём разветвлённый сухой сук и выпустили птиц из клетки.

В новой для них обстановке они не очень то паниковали, но были явно озабочены. Чем, — выяснилось сразу, как только перед ними положили кисти рябины, от которой скоро ничего не осталось. Мы гордились тем, что придумали замену

этой ягоде. Не менее питательную и похожую на неё цветом — смешали размоченную в молоке булку с тёртой морковкой. И свиристели сразу принялись поглощать и эту еду. Казалось, что они озабочены только едой. А скоро стали очевидными и последствия их прожорливости. Утром мы обнаружили по всей комнате оранжевые шнуры даже не полупереваренной, а казалось бы вообще не переваривавшейся в их кишечнике рябины и морковки. Вспомнилась роль свиристелей в природе — рассеивание семян съеденных ягод. Едят всего

они очень много, но съеденное почти не переваривают. Стало ясно, что этих птиц надо будет кормить почти непрерывно. Но ведь мы-то люди работающие!

Свиристелей мы загнали обратно в клетку, отвезли на трамвае на окраину города и с облегчением выпустили их на волю. И усвоили ещё один урок — не тащить домой всё, что красиво в природе.

Друг Крыс

Всегда терпеть не мог крыс, чем, наверное, не очень отличаюсь от нормальных людей. Но было в моей жизни исключение. Когда я в день своего рождения, отягощенный букетом тюльпанов и подарками друзей, направлялся к выходу из института, меня догнали парни из соседней лаборатории и сунули мне под

мышку что-то в перевязанной бечёвкой обувной коробке. Дома в ней обнаружил обычного серого крысёнка-подростка. Умиротворённый прошедшим праздником я, к своему удивлению, принял это животное и поместил его в клетку, которая осталась после свиристелей. И еще удивительно, что мы с Крысом быстро подружились.

Вот, что повторялось каждый раз, когда я приходил с работы. Открыв дверцу стоящей на тумбочке клетки, я усаживался напротив в кресло, положив руки на подлокотники и хлопал в ладоши. Это был сигнал к игре. Крыс мчался ко мне, нырял в рукав левой руки, продираясь под пиджаком к шее и дышал мне в ухо, его покусывая. Потом возвращался к клетке и по новому сигналу опять летел ко мне, стремясь на этот раз в правый рукав. Какое удовольствие для обоих!

Тогда в аэропортах не было строгого досмотра, и я часто брал Крыса с собой в командировки. Он спокойно сидел в моем портфеле в проволочной клетке-переноске, терпеливо ожидая общения.

Как у всех грызунов, резцы у крыс растут всю жизнь. Поэтому их нельзя кормить одной только мягкой едой. Нужно часто давать грызть твердое, вплоть до дерева. Однажды я уехал в командировку без Крыса, забыв предупредить домашних, чтобы ему к еде добавляли ветки. Вернувшись домой дней через десять, обнаружил, что из-за выросших резцов Крыс не может сомкнуть челюсти и питаться. Я взял мелкий напильник-надфиль, положил Крыса брюшком вверх на левую ладонь, приоткрыл ему рот и стал плавно и методично стачивать отрос-

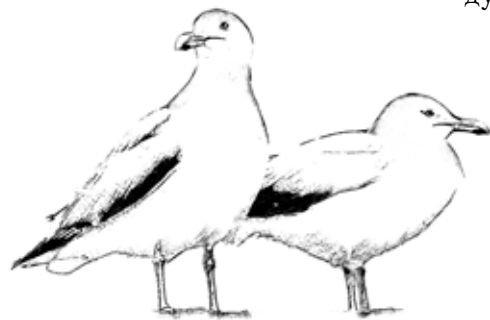
шие зубы. Процедура была долгая, сопровождалась легким скрежетом. И всё это время зверёк, не дергаясь, доверчиво лежал на ладони. И я его тогда зауважал.

К сожалению, эти грызуны живут недолго, и через три года Крыса у меня не стало. А в памяти он остался весёлым и доверчивым существом.

Серебристые чайки

Моё утро в городе часто начинается настойчивым сильным стуком в окно спальни. Я быстро встаю, выхожу на кухню, а там на узком оконном карнизе девятого этажа меня поджидает виновница моего пробуждения — серебристая чайка. Эти крупные птицы стали осваивать нашу городскую среду несколько лет назад. Раньше они были обитателями

морских просторов и побережий. А теперь — вот она, на моём окне! Приходится угощать её чем-нибудь заранее заготовленным — рыбьими головами, мясными обрезками. Чайка всё бесстрашно берёт из моих рук. А вот мне страшновато, как бы она своим огромным жёлтым клювом не прихватила палец. Но, знаете ли, — мне льстит такое тесное общение с этой огромной, такой белоснежной птицей. Хотя я знаю, что чайки стали горожан-

ками из-за человеческой бесхозяйственности — обилия пищевых отходов. На загородных свалках чайки стали конкурентами ворон. Ворон в городе теперь стало заметно меньше, и они явно сделались скромнее. Во всяком случае на моём окне. Может быть, сократив поголовье этих главных разорителей птичьих гнёзд, чайки вернут в наши парки певчих птиц?

Уж

Ужа мне привезли в холщовом мешочке, перевязанном у горлышка как кисет. Привезли по моей просьбе. Поместил его в аквариум, который накрыл стеклом, оставив узенькую щель для дыхания, придавил стекло грузом. Уж был явно из озёрных мест — он отказался от травяной лягушки, но не мешкая загло-

тил из миски с водой пущенного туда карасика.

Я не учёл силу этой змеи. На второй день, придя с работы, я обнаружил, что уж исчез, отодвинув стекло, которым был прикрыт аквариум. В комнате ужа не было. Скорее всего он уполз в щель за плинтусом. Подпольное пространство у нас большое — этажом ниже располагались магазины. Надежды, что уж вернётся, не было.

Прошло больше месяца, и это знойное летнее время я провел на даче.

Вернулся, вошёл в свою прожаренную солнцем комнату. Не сразу заметил на висевшей над письменным столом картине непонятную полупрозрачную ленточку. Присмотрелся, и не сразу понял, что это высохший уж. А на картине, скажу я вам, было изображено озеро с голубой водой, дальним лесом и тростником на переднем плане. Наверно, похожее на родные места моего ужа, где так много воды, без которой он погиб от жажды в жарком и таком чужом городе. И зачем только я его приобрёл!

Попугай Рома

Однокурсники моего друга, доктора Д., долго работавшие в Африке, привели ему долгожданный подарок — попугая жако. Представители этого вида лучше всех подражают разным звукам и человеческой речи тоже. Часто отмечалось,

что среди них встречаются особо одаренные особи.

С первого дня Роме (так его назвал хозяин) особенно пришлась по вкусу наша родная рябина, а потом он стал поедать орешки, чистить еловые шишки и лихо расправлялся с концами куриных косточек.

Скоро он стал издавать разные звуки и не бестолково: собачий лай — призыв пообщаться с собакой хозяина, бульканье воды — просьба дать попить. Полюбил передразнивать свист. А вскоре заговорил по-человечески. И большей частью, к месту.

Вот сидит Рома на своём насесте, а от его крыла отделяется пёрышко и, крутясь, медленно падает на пол. Рома внимательно, склонив голову, за ним наблюдает и потом сокрушённо произносит: «Уронил...».

Это “уронил” применялось к разным случаям, и сам факт падения чего-нибудь попугаю явно нравился. Однажды Рому выпустили из вольеры на прогулку по квартире и он оказался на кухне. Оттуда раздался грохот — Рома сбросил с крышки шкафа, где была красиво расставлена керамическая посуда, большую кружку, которая, естественно, и разбилась. А Рома той же иудушкиной интонацией хозяевам объяснил: “Уронил...”

Осколки убрали. Через некоторое время из кухни доносится Ромино негромкое и настойчивое: “Ну, пойдём!. Ну, пойдём же!”. И хозяева увидели: это Рома, пятясь задом, тянет к краю крышки шкафа за ручку упирающийся кувшин, чтобы и его сбросить вслед за кружкой.

Мы с доктором Д. собираемся из его дома к нам на работу. Его жена Таня хлопочет на кухне. Увлечённые разговором, давно одетые, мы с Д. задержались у двери. Доктор Д. приоткрыл скрипнувшую дверь, но мы всё ещё в квартире. И вдруг из дальней комнаты Рома громким голосом Тани: «Пока, пока! Ох, ну и слава Богу!». Общий хохот.

Кормушка на моём окне

Когда приходят первые морозы и выпадает снежок, за моим окошком уже висит кормушка для птиц. Делюсь её конструкцией.

Берём бесцветную пластиковую бутылку объёмом 1,25 л с прозрачной гладкой средней частью, обязательно с винтовой крышкой.

Примерно на 1 см выше нижнего пояска делаем горизонтально надрез шириной 6-7 см и продолжаем его по краям вверх на такое же расстояние. Отгибаем получившийся язычок вверх — образуется своего рода дупло и крыша над

ним. Неплохо обжечь нижний край, чтобы птицам удобнее было цепляться. Из толстой алюминиевой проволоки делаем кольцо ниже пробки, оно должно свободно вращаться. Один конец этой проволоки загибаем крючком выше пробки.

В наружные створки окна я вбиваю два тонких, не очень больших гвоздика и натягиваю между ними тонкую медную проволоку, способную удерживать нашу конструкцию. Набрасываем крючок кормушки на медную проволоку и, вращая бутылку, устанавливаем леток в нужном направлении. Направление это можно менять в зависимости от того, с какой стороны идёт косой дождь или летят снежинки.

И последнее. Тонкими гвоздиками прикрепляем к створкам окна слегка натянутую бельевую резинку так, чтобы она прижимала бутылку к стеклу. Это спасёт вас от стука в окно во время бурь, особенно неприятного по ночам.

Кормушка легко снимается с крючка и освобождается от резинки. Дома я загружаю её семечками стограммовым стаканчиком.

Первыми в начале зимы кормушку посещают синицы, чаще большие, реже лазоревки. Они питаются конвейером: каждая быстро схватывает семечко и улетает клевать его на дереве, а ей на смену сразу же прилетает другая. И такая весёлая круговерть продолжается долго. В середине зимы обычными посетительницами кормушки становятся зеленушки. Эти забираются в кормушку и не вылезают оттуда пока не насытятся. Поэтому после дня кормления зеленушек, кормушку приходится извлекать и вытряхивать из неё шелуху. В конце зимы появляются снегири — цвета багровой зари самцы и сизоватые самочки. Они уютно устраиваются внутри кормушки и задумчиво перекатывают семечки во рту, изредка сплёвывая шелуху внутрь или наружу. А как интересно бывает, когда на медную проволочку повесишь сразу две таких кормушки!

НА Белом
море

Дятел-музыкант

Со стороны скалистого мыса Картеш донеслась громкая трель, как будто кто-то ударил в костяной барабан. Звонкая сухая очередь далеко понеслась по утреннему морозному воздуху. Всё ясно — запел свою весеннюю песню дятел. Так все наши дятлы “поют”: найдут сухой сук, стукнут по нему головой что есть силы — сук и ответит дробью, как барабан, когда по нему ударят палочкой, которую зажали некрепко в руках.

Но что это? Трель повторилась, но тон её на этот раз выше. Через несколько секунд прозвучала новая песня ещё в более высоком тоне. Следующая трель ещё более высокая. За ней ещё одна, на этот раз чуть ниже тоном. Что за чудеса?

Иду на звук. Лезу в гору. Странная песня дятла с чередующимися тонами слышится всё ближе. Присматриваюсь к сухим су-

чьям сосен — птицы не видно. А она должна быть здесь, рядом — так громко уже звучат трели.

И вдруг увидел! Загадка трелей разных тонов раскрылась. Чёрный дятел-желна, самый крупный из наших дятлов, сидел на геодезической вышке и барабанил в сухую доску. Такие вышки ставят на открытых или самых высоких местах, точно определяют их координаты, чтобы потом с их помощью привязываться

к местности и составлять подробные карты, нужные и геологам, и строителям, и морякам. Крышу вышки обычно делают пирамидкой и с большим зазором покрывают поперечными досками. В нижней части крыши доска самая широкая. Выше идет доска поуже, потом еще уже, а самая последняя дощечка совсем коротышка.

Дятел увидел меня, перепорхнул на самую широкую доску и затаился — выглядывала только черная длинноно-

сая голова с красной шапочкой. Я присел за валун и тоже замер.

Через некоторое время дятел осмелел. Сидя на своей доске, он что есть сил тарарахнул по соседней, тоже широкой доске. Она завибрировала, и раздалась трель низкого тона. Дятел перепрыгнул выше к другой доске, что покороче, и дал новую дробь. Она была тоном выше. Самая высокая трель получилась, когда дятел пробарабанил по самой короткой — верхней дощечке.

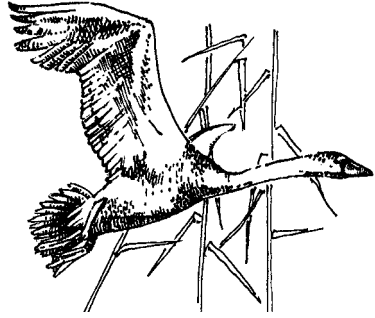
Всё было, как при игре на ксилофоне: чем короче пластинка, тем выше извлекаемый из неё звук, а чем пластинка длиннее, тем звук ниже. В этом наш дятел прекрасно разобрался и игра ему явно нравилась.

Ценители красоты

Многие считают, что только человек может любоваться красивым, а зверям и птицам это недоступно. Я расскажу, что довелось мне видеть на берегу озера Клещиха, а вы уж сами решайте, справедливо ли это мнение.

Маленькое озеро Клещиха отделено от Белого моря болотистым перешейком, поросшим густым ивняком. На других крутых берегах растёт густой еловый лес с богатейшим черничником, отличное место для “лесных петушков” — рябчиков.

На Клещихе люди бывают очень редко, может быть, поэтому здесь иногда останавливаются на отдых и кормёжку лебеди. Вот и в тот раз, когда я, проезжая на моторке по нашему морскому заливу, увидел, как по направлению к Клещихе, снижаясь, пролетело пять лебедей, решил подобраться поближе и полюбоваться ими. Я уже представлял, как выглядят эти белоснежные красавцы на всегда тёмной воде лесного озера.

Боясь спугнуть птиц шумом мотора, я пристал не к перешейку, а подальше, чтобы выйти к озеру пешком, со стороны старого ельника.

Шёл я медленно, осторожно. Вот уже за ветвями внизу поблёскивает вода. Ещё немного — и будут видны лебеди.

Вдруг из под самых ног, так что я шарахнулся в сторону, с треском сорвалась птица. Пока я сообразил, что это был рябчик, взлетел и тоже скрылся на каком-то ближнем дереве второй лесной петушок. Потом ещё один, ещё, и ещё — целый выводок. И все они, отлетев, судя по шуму крыльев, совсем недалеко, оказывались невидимыми. Такая уж особенность рябчиков. Почувствовав опасность, они ошарашивают человека, собаку или лисицу внезапным шумом крыльев. Пользуясь замешательством, они взлетают на деревья и затаиваются. Выдать тогда их может только движение.

Изо всех сил старался я увидеть хотя бы одного рябчика, но то, что я принимал за птицу, оказывалось сухим сучком. Можно было не сомневаться, что некоторые "сучки" на самом деле были рябчиками. Только вот попробуй угадай его среди сотен настоящих сучьев старого ельника.

Решил продолжить прерванный путь к озеру. Но лебеди уже почувствовали что-то необычное. Со стороны озера слышался шум — это лебеди разгонялись по воде для взлёта. К счастью, ветер был от меня к озеру. А так как все крупные водоплавающие птицы взлетают против ветра, лебеди должны были пролететь близко над тем местом, где стоял я рядом с затаившимися рябчиками. Вот уже между верхушками елей показался первый лебедь. За ним остальные.

Поглощённый зрелищем не сразу услышал тихий писк-свист. Смотрю и глазам своим не верю. На кончике еловой лапы весь на виду, трепеща крылышками и задрав хохластую головёнку вверх, сидел рябчик. Вот и второй с таким же писком, забыв про меня, бежит по ветке другого дерева. Туда, откуда лебеди виднее. Оглянулся — весь выводок на виду, и все на меня ноль внимания. Все в возбуждении, переговариваясь друг с другом и позабыв про меня, смотрели на лебедей, делающих круг над лесом.

Иногда, когда встречаешь что-нибудь редкое и красивое, часто сожалеешь, что никого нет рядом. На этот раз такого чувства одиночества не было. Мы с рябчиками соперничали.

Две гагары

Я перевалил невысокий пригорочек и быстро сбежал к неожиданно открывшейся узкой ламбушке. Так в Карелии называются небольшие озёрца с топкими торфяными берегами с редкими хилыми сосёнками. Дул сильный ветер от меня в дальний конец ламбы, где я увидел двух гагар. Вспомнил поморскую примету: если гагары улетают с моря на материк — это к сильному ветру. Вот они и скрывались сейчас от ветра в глубине суши, на ламбушке.

И гагары меня увидели, и увидели, что я их увидел — ведь мы были близко друг от друга, озерцо-то маленькое. А взлететь эта крупная птица может только разогнавшись по воде против ветра. Значит, только в мою сторону! Мы все трое это понимали.

И вот нервы у гагар не выдержали, и они с шумом одна за другой пошли на взлёт прямо на меня. Первая оторвалась от воды у самого берега и взлетела, едва не задев мою голову. А другая, чуть отстав от первой, в последний момент струсила и, окатив меня водой, резко затормозила прямо у моих ног! Дурацкая картина: дикая птица и мокрый человек смотрят друг на друга и не знают, что делать. Затем гагара тихо-тихо, поплыла к тому берегу на исходную позицию. И второй раз пошла на взлёт и опять прямо на меня. На этот раз взлететь ей удалось.

Не правда ли, так и у людей бывает? Сделаешь публично какую-либо промашку — и сам, и все вокруг делают вид, будто ничего не случилось. Дают возможность как ни в чём не бывало повторить попытку. Это у людей. А ведь здесь — птицы и человек.

Зовут в море

Очень напряжённая работа летом на Беломорской биостанции. Нужно проводить наблюдения, ставить опыты, выходить на корабли для сбора животных с глубины. И обеспечить исследования многочисленных приезжих — студентов и научных сотрудников самых разных учреждений страны: ведь многие вопросы биологии можно решать только на морских организмах. Когда от

перегрузок и мельтешения дел становилось неважно, я прыгал в свой катерок и направлялся в сторону открытого моря к острову Песчаному, красивому, поросшему зрелым сосновым лесом, длиной не более полукилометра.

Через двадцать минут я приставал в уютной бухточке и не спеша обходил островок по берегу. Обычно это надолго восстанавливало силы.

В тот раз, обходя любимый островок, я на полпути присел, привалился спиной к нагретому солнышком валуну и неожиданно для себя задремал. Проснулся внезапно от громких шлепков по воде. С приливом вода заметно приблизилась

к моим ногам, а у самого её уреза тюлень-сеголетка изо всех сил старался обратить на себя моё внимание. Он хлопал лапами по

воде, брызгал ими в мою сторону, переваливался животом вверх. Иногда отплывал на спине, как бы зазывая к себе в море, потом возвращался и рядом кувырчался через голову. Явно призывал поиграть. Я кинул рядом с ним сосновый сучок. Тюлень бросился за ним, как собака. Долго мы радовались друг другом. Но пришло время мне возвращаться к делам.

Часто вспоминал я эту свою встречу с тюленем. И думал о внезапно возникшем доверии таких разных обитателей двух сред — человека и тюленя. Явный пример против ксенофобии!

А вот что регулярно наблюдали сотрудники уже другой биостанции, на Черном море, на Утрише. Здесь изучали поведение дельфинов, которых содержали группой в просторном бассейне. И заметили, что каждый день, примерно в одно и то же время, когда дельфины отдыхают после работы на науку, на бортик бассейна запрыгивает собака. К ней сразу же направляется один дельфин, и они долго общаются явно к взаимному удовольствию. Собака припадает на брюхо и взлаивает, дельфин тянет к ней своё рыло, тихо посвистывает и старается окатить друга водой. Оба рады.

«Топляк»

Моторка на самом малом ходу проходила опасным Красным проливом. Сквозь небольшой слой воды тускло просвечивало желтоватое песчаное дно. Того и гляди чиркнешь днищем по грунту или, ещё хуже, намотаешь на винт скользкие шнуры хорды — бурой водоросли, заросли которой развиваются к осени. Приходится всё время лавировать.

Отлив обнажил гряды острых камней. Ещё не высохшие на солнце, они торчали тут и там, как зубы в пасти хищника. В прилив проходить здесь ещё опаснее — прикрытые водой, эти камни всегда готовы пробить днище любому судёнышку. Вот последний поворот. Вода потемнела: лодка вышла на глубокие места. Во всю силу заработал мотор, берега Красного мыса стали быстро удаляться.

Остались позади стайки береговых уток и куличков. Чаше стали попадаться птицы открытого моря — чистики и гагарки.

Лодка быстро скользила по совершенно спокойной глади Белого моря. Неожиданно я увидел небольшой, торчащий из воды предмет. Резко свернул в сторону. Топляк в море не менее страшен для моторки, чем заросли водорослей или подводные камни. Под водой стоит торчком разбухшее бревно, выставившее на

поверхность маленькую едва заметную часть. Наткнёшься — сорвёшь винт, или пробьёшь в лодке дыру.

Захотелось рассмотреть топляк поближе. На малом ходу обхожу вокруг. Какой-то он странный, этот топляк. Не срезанный, как обычное бревно, а заострённый на конце. Будто маленькая пирамидка выглядывает из воды.

Заглушил мотор, подъехал совсем близко, пытаюсь

дотянуться до топляка веслом. Дотянулся.

Внезапный сильнейший всплеск окатил всего меня холодной водой. Треугольная пирамидка исчезла, зато показалось совсем рядом пятнистое тюлень брюхо! С шумом в панике били по воде ласты. Наконец тюлень перевернулся, сделал шумный вдох и ушёл под воду.

Я постепенно пришёл в себя. И всё стало понятно. Нерпа эта по какой-то причине не стала отдыхать, как порядочные тюлени, на берегу и заснула прямо в открытом море. заснула крепко. А чтобы не задохнуться, она спала на спине, выставив наружу пирамидку своей морды. Эту морду я и принял за топляк. Так я узнал ещё одну повадку нерпы.

Узкие специалисты

С весны по осень сотрудники нашей биостанции работают в научном посёлке на Белом море, очень далеко от своих домов. Многие привозят с собой собак как друзей-компаньонов. Собаки собираются самых разных пород.

Заливистый лай оторвал меня от письменного стола. Выхожу на крыльцо и вижу около отдельно стоящей сосны возбужденную тройцу. Правильнее всех ведёт себя лаечка Тайга — она видит сверху прижавшуюся к стволу белку и, по-

визгивая, её облаивает. Кудрявая Иточка, принадлежащая к фокстерьерам, порода норной, время от времени посматривая на белку, лихорадочно роет передними лапами между корней. Ещё нелепее ведёт себя гончая Леда. Она делает вокруг сосны, даже не видя белки, широкие круги на такой скорости, что напоминает наклонном мотоциклиста на повороте. Её бы в ровное поле запустить, за зайчиком!

И ведь все три упорно проявляли те качества, которые выработал в них человек!

Ворон Клара

Ворона принесли мне слётком, взрослой на вид птицей, только ещё не научившейся летать. Наверное, выпал из гнезда. Первые сутки я держал воронёнка во дворе на короткой привязи и кормил насильно. Раскрывал двумя руками огромный клюв и засовывал в глотку крупные куски рыбы. К концу второго дня воронёнок уже сам, увидев меня, раскрывал клюв. А на третий-четвёртый день, можно было снимать верёвку: ты для этой птицы стал самым главным в её жизни существом. Ответственность огромная, обычно сначала не осознаваемая.

С этого дня ворон не признаёт своих родителей, сестры и братья, подлетающие иногда к нему, для него тоже чужие, он теперь привязан только к своему хозяину — человеку, совсем как собака. Моя Клара (так я назвал свою птицу, хотя не знал её пола), ночевала на насесте под крышей крыльца. Спать усаживалась

рано — с заходом солнца. Спала крепко; когда я её, спящую, поглаживал, несердито ворчала. Проснувшись утром, облетала дом и заглядывала в окно. Если видела, что я встаю, летела на крыльцо и ждала меня, сидя на перилах. Тёрлась головой о руки. Очень любила, когда её почёсывали под клювом.

Обожала шкодить, тонко чувствуя, что меня волнует больше всего. Когда прорывалась в комнату (хотя ей это было запрещено), первым делом бросалась к письменному столу и торопливо разбрасывала разложенные там бумаги. Остановить в это время хулиганку можно было только одним способом — веником.

Лето того года было особенно жарким и засушливым, опасность пожаров для нашего научного деревянного посёлка была очень велика. Для курильщиков

были отведены особые места. Так эта злыдня Клара внезапно выхватывала у кого-нибудь горящую сигарету и, зажав её в клюве, торжествуя, взлетала и кружилась над встревоженными людьми. К счастью, она сбрасывала окурок неподалёку, его находили и гасили.

Любимым её развлечением было развязывать узлы. Постоянно обрушивались крепления палаток и верёвок для сушки белья. Пока с кем-нибудь разговариваешь, подруга успевает, орудуя своим огромным клювом, развязать шнуры на обоих ботинках собеседника. Этой своей привычкой она доводила до слёз пятилетнюю соседку Снежану. В конце концов девочке пришлось выходить из дома с веником подмышкой.

Иногда мы — ворон Клара, спаниель Динка и я — отправлялись на прогулку по просеке вдоль линии электропередачи. Клара, спикировав, выхватывала из-под носа Динки сучок или еловую шишку и сбрасывала её метров за десять, после чего они соревновались — кто быстрее схватит игрушку. Лай собаки, звон пера быстро летящей птицы. Нагулявшись, мы втроём приваливались к нагретому солнышком валуну. Незабываемые минуты!

По присутствию Клары сотрудники всегда могли знать о моём местонахождении. Я в лаборатории — Клара на крыльце; я на корабле — ворон на рубке или рее. Клара, выросшая в небольшом посёлке, считала своими друзьями всех людей. К этому добавлялась природная любознательность врановых птиц, — она обязательно подлетала знакомиться к новичкам. Это её и погубило. В заливе на

якорь стал корабль. Птица полетела туда и вскоре вернулась с выбитым глазом. Кто-то из морячков показал удаль.

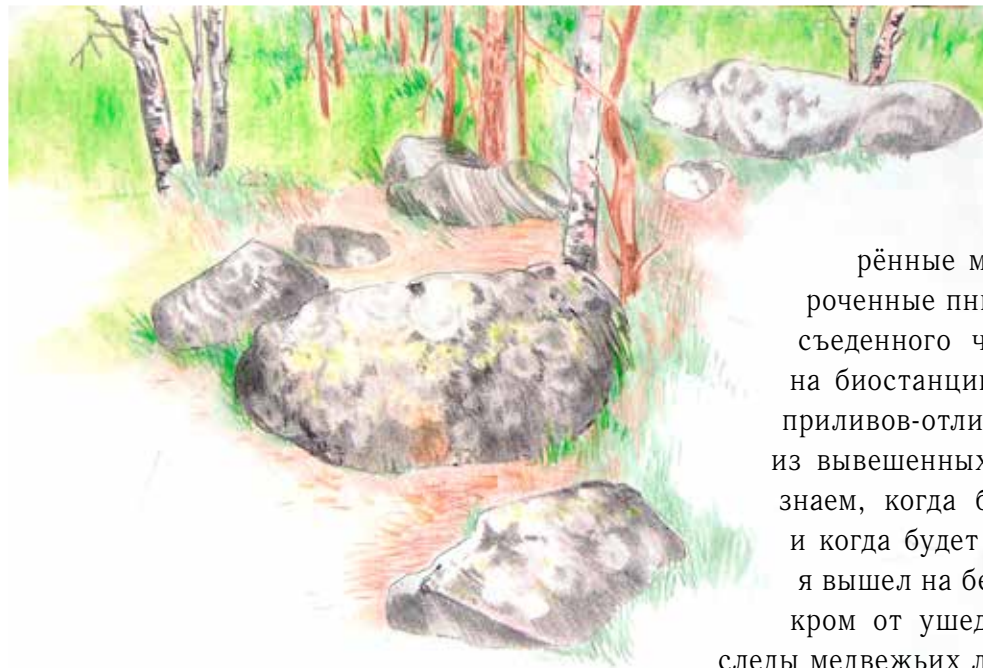
Одноглазый ворон стал ещё более привязанным и ласковым. И с собакой любил играть в шишки по-прежнему, вот только голову в полёте держал набок, чтобы видеть здоровым глазом.

А осенью в заливе опять стали корабли. Конечно, Клара опять полетела к ним. И теперь не вернулась. А я больше не рисковал приручать этих вольных птиц.

Обиженный медведь

Всё началось с того, что известный всей округе удачливый охотник и браконьер Володя нарушил старую поморскую заповедь и напал на переплывавшего наш залив медведя. Сначала он ударил беззащитного зверя по голове топором. Медведь взревел и, выбросив мощные лапы на борт, резко накренил лодку. Володя ударил топором по лапе и, оценив, наконец, силу медведя, включил скорость и удрал, оставив за спиной покалеченного зверя. Об этом он сам нам рассказал.

Поэтому, когда рядом с биостанцией слышались звуки, которые можно было оценить только как медвежий рёв, я понял, в чем дело. Это володина жертва, раненый медведь вторгся на территорию нашей, местной медведицы, и они выясняли отношения. О существовании нашей медведицы знали все сотрудники биостанции. Каждый год она обитала с очередным выводком очень близко от

нас, но была настолько деликатна, что никто её так ни разу и не видел.

Встречались разорённые муравейники, развороченные пни, помёт со следами съеденного черничника. Работа на биостанции связана с ритмом приливов-отливов моря, поэтому из вывешенных таблиц мы всегда знаем, когда была большая вода и когда будет вода малая. Как-то я вышел на берег и увидел на мокром от ушедшего отлива песке следы медвежьих лап, в которые только начинала просачиваться с боков струйка

ми вода. А я то знал, что отлив сегодня начался всего десять минут назад. Значит, зверь прошёл только что. И, как всегда, опять постарался быть незаметным. И вот с этими нашими мирными соседями встретился мучимый ранами чужой

медведь. Их рёв продолжался два-три дня. Пришлось даже издать приказ, запрещающий сотрудникам и студентам ходить в опасную сторону.

Потом всё затихло, и о медведях стали забывать, наверное пришелец покинул наши места. Однажды утром, когда погода была довольно свежей и волны были с барашками, в нашу бухточку вошла лодка со стороны моря — случай в нашей жизни обычный. По деревянным мосткам застучали шаги бегущих людей и ко мне ввели Васю, десятилетнего паренька, сына Павла Власова, охранника с дальнего заповедного острова. Нужна срочная помощь — отец лежит в лодке раненый, без сознания. В экспедиции все дела надо делать быстро, и через несколько минут директорская быстроходная лодка увозила Павла в поселковую больницу, полтора часа пути. Через несколько часов звонок от знакомого врача: “Будет жить ваш Павел. Штопали мы его во всех местах и удивлялись: снят скальп, весь помят и изжёван. Но не порвана ни одна артерия, не повреждён ни один важный

нерв. Такое впечатление, что его хотели крепко наказать, но никак не убить”. Успокоившийся Вася рассказал, как было дело. Отец, обходя свой остров, обнаружил следы медведя. Опытный лесной работник он понял, что это тот самый ”володин” медведь, что он опасен и правильно будет его застрелить. Как охранник заповедного острова Павел имел винтовку с боевыми патронами и настолько был уверен в своём оружии, что взял с собой Васю. Медведя нашли быстро —

это явно был ”тот” медведь со следами ударов топором. Измученный, он и не очень старался скрыться. Павел вскинул винтовку и выстрелил. Неясно было, попал ли, но дальше всё произошло быстро. Медведь так неожиданно кинулся на обидчика, что тот не успел сделать следующего выстрела. Ударом лапы он отшвырнул винтовку (я видел на деревянной ствольной накладке глубокий след когтей), подмял Павла под себя и что-то делал с ним, несмотря на громкие вопли Васи. Потрясённый мальчик не заметил, как медведь исчез, протащил беспамятного отца до берега, сбегал на кордон, заправил бензином лодку, подогнал её к отцу, оттащил его в лодку и направил её к ближайшему месту, где есть люди, к нам на биостанцию.

56

Напомню — море было беспокойным, до нас не менее часа хода, а Васе было всего десять лет!

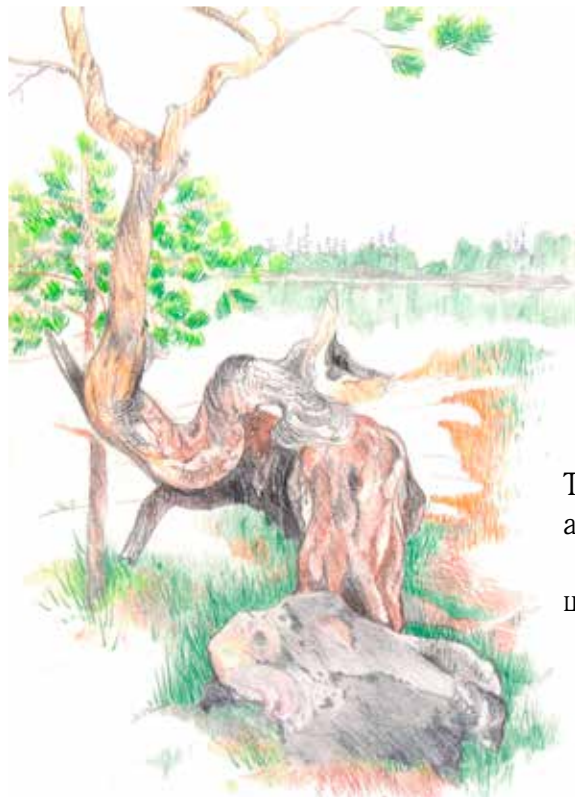
Большим вооруженным отрядом мы прочесали весь островок Павла, но медведя не обнаружили. Через несколько месяцев дошли слухи, что на том берегу Кандалакшского залива около поселка Умба было два случая нападения медведя на людей. Мне подумалось, что это был тот, обиженный Володей зверь.

Тенгизка и медведица

Мой друг Дарчо, уроженец солнечных субтропиков, с детства любивший леса, окончив самый северный лесной факультет в Петро-заводске, стал главным лесничим в самом северном лесхозе Карелии. Здесь когда-то купец второй гильдии Савин построил на острове Керети лесопильный завод и обеспечивал его работу сплошной вырубкой ценнейшей северной сосны. Пытливый лесничий решил посмотреть места, где восемьдесят лет назад сосна была полностью сведена. С собой Дарчо взял полуторагодовалого сынишку Тенгиза, поместив его в уютный рюкзачок. Выйдя по карте на нужное место, молодой лесничий присмотрел на поляне заметную берёзку, прислонил к ней рюкзачок с драгорценной ношей, достал свой инструмент

57

58

и приступил к работе — описывать виды деревьев, их состояние и возраст. Заранее скажу, что на месте вырубленной сосны разросся менее ценный березняк.

Закончив работу, Дарчо направился на свою полянку. И ужас! Он увидел под заветной березой склонившегося над тем местом, где должен был быть сынишка, огромного медведя! Медведь двигал головой вперед и назад! Ясно — доедает!

Трудно представить, как отчаянно закричал мой друг. Медведь мгновенно исчез.

А в рюкзаке лежал совершенно невредимый Тенгизка. Совсем не испуганный, с личиком, облизанным хищной зверюгой.

Мы решили, что это была медведица, потерявшая своих медвежат...

На переломе: июль-август

— Смотри внимательно, что произойдёт сегодня и завтра, — сказал мне мой друг Виталий Витальевич Бианки, сын любимого всеми дет-

ского писателя. Дело происходило на заповедном острове Ряжков в Кандалакшском заливе Белого моря. Виталий Витальевич работал здесь орнитологом не один десяток лет и прекрасно представлял, как меняются картины жизни на нашем Севере. Завершался июль. Время белых ночей закончилось, они стали тёмными.

Первое, что я заметил — это внезапное исчезновение в течение суток полярных крачек, одной из самых заметных птиц побережья. Изначально они чем-то похожи на деревенскую ласточку, только посветлее (тёмная лишь шапочка) и покрупнее — всё-таки родственница чаек. Перед тем как схватить в воде добычу — рыбку, червя или рачка — зависает на одном месте, трепеща крыльями, как стрекоза. И вот вчера ещё крачек было видимо-невидимо, а сейчас ни одной.

Птица эта прилетает к нам примерно в середине мая аж из Антарктиды. Она — рекордсмен по дальности перелёта: каждый год 20-25 тысяч километров в нашу сторону и столько же в противоположную, на юг. Привлекает крачку на Белое море возможность гнездиться колониями на необитаемых островках и доступность главного её корма — трёхиглой колюшки.

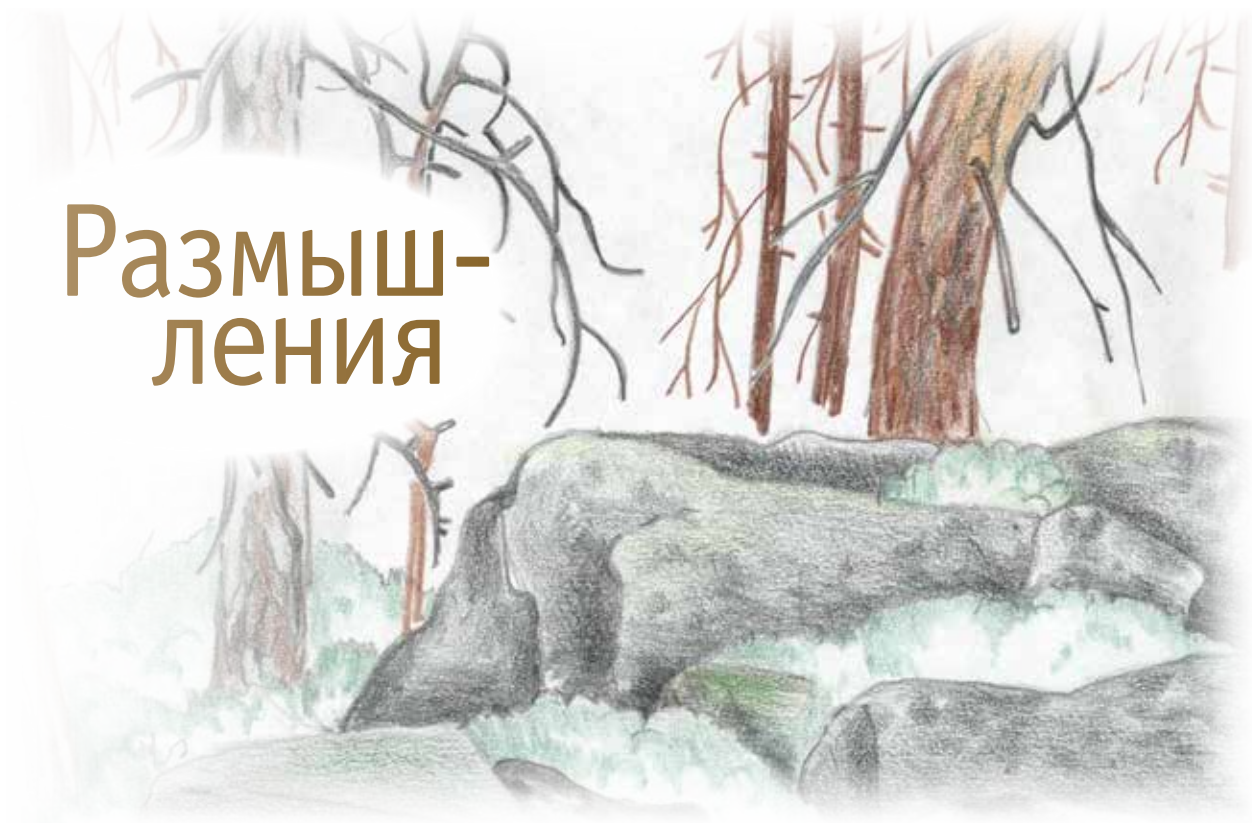
59

Эта маленькая рыбка хорошо известна в Петербурге, она обитает во всех речках и каналах. Но в Белом море — это и морская рыба. Весной она в огромных количествах выходит из глубины на мелководья с песчаным дном. Самцы из нитчатых водорослей строят гнёзда в виде чехла-трубки, открытой с двух сторон. Потом завлекают туда самку и остаются охранять отложенную и оплодотворенную икру, прогоняя плавниками через гнездо свежую воду. Гнёзд бывает так много, что дно представляется пятнистым от чередования тёмных гнёзд и пятен светлого песка, откуда самец сгребал нитчатку. Молодь колюшки вместе с родителями долго держится на мелководьях, питаясь рачками-планктоном. Но она и сама служит главным кормом прилетевшим издалека крачкам.

Так вот, оказалось, что буквально за несколько часов до отлёта этих птиц мелководья дружно покинули отошедшие в море от берегов колюшки. Исчезла главная пища птиц, и они отправились восвояси в Антарктиду. И вы думаете, что на этом всё кончилось? Ошибаетесь!

На освободившиеся от колюшек места, богатые пищей — планктонными рачками, почти сразу же, в тот же день подошла кормиться беломорская сельдь, и стал возможным её прибрежный осенний промысел. Вот такие перемещения птиц и рыб произошли на острове Ряжков за один-два дня.

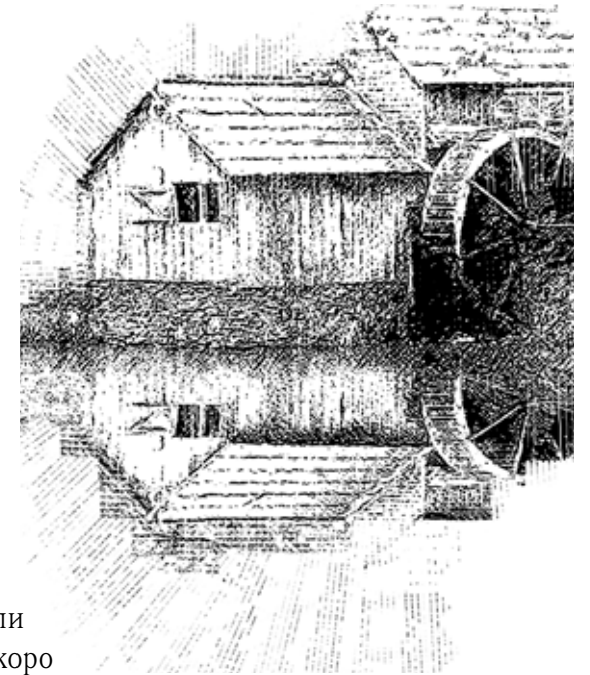
Размыш- ления

Отчаянные раколовы

На небольшой речке с ласковым названием Тушемелька раньше стояла (а может быть и сейчас стоит) водяная мельница. Ниже мельницы, там, где взбудораженная водяным колесом вода успокаивается, мои друзья зоологи обнаружили на берегах странные кучи панцирей речных раков. Странность была в том, что раков кто-то ел сырыми, если бы их отваривали, панцири были бы красными. Стали наблюдать. И вот что скоро выяснили.

На мельнице жили серые крысы-пасюки. Но привлекло их вовсе не привозимое для помола зерно. Крысы, хорошие пловцы, но скверные ныряльщики, бросались в воронку воды около колеса, там достигали дна, выиски-

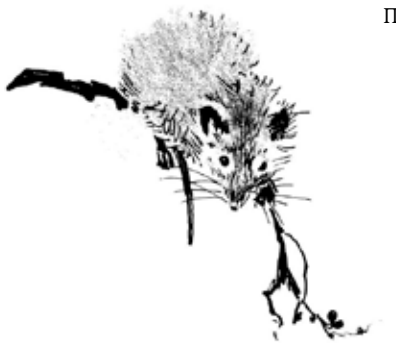

вали многочисленных здесь раков и вместе с добычей ниже по течению выбирались на берег. Пища вкусная и полезная.

Теперь давайте представим, как крысы освоили такой необычный вид охоты. Несомненно, самая первая крыса-водолаз попала на дно не по своей воле — её уволокло мельничное колесо. И вряд ли она, испуганная произошедшим, тут же решилась ловить рака. Скорее рак сам вцепился клешнями в крысу, как в свою добычу, и его пришлось выволакивать на берег. Придя в себя после двух потрясений, попадания на дно и нападения рака, крыса съела своего противника, оценила его на вкус и повторила всё, что с ней произошло, уже сознательно, не раз, и не два. А потом обучила такой охоте других крыс. И всё могло быть только так, и не иначе. Значит, и в животном мире бывают свои герои и гении!

Самый большой хищник на планете

Молоденьким аспирантом Зоологического института я был командирован для сбора морских организмов на остров Парамушир — самый большой остров Северных Курил. В моём распоряжении был маленький ялик, на котором я в тихую, разумеется, погоду мог выходить недалеко от берега в сторону Охотского

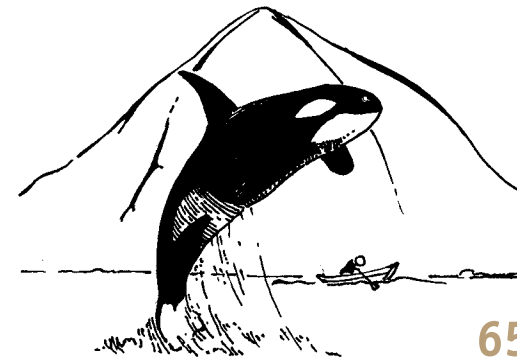

моря. И очень часто совсем рядом со мной появлялся огромный серповидный спинной плавник косатки. Часто он возникал между моим яликом и берегом. И никогда мне не было страшно.

Страх пришёл позднее, когда я в своём родном Зоологическом институте рассмотрел скелет косатки длиной около 9 метров, с огромными, вооружёнными большущими зубами челюстями. А потом прочитал, что в желудке одной косатки обнаружили пятнадцать заглоченных тюленей, а ведь каждый тюлень по весу сравним с человеком!

Многие обращали внимание на внешнее сходство человека с пингвинами. Вспомните “Остров пингвинов” Анатоля Франса. А недавно были засняты кадры, как в Антарктиде косатки подныривали под небольшие льдины со стоящими на них пингвинами и сильным ударом снизу стряхивали птиц в воду, где их и поедали.

При этом в природе косатки никогда не нападали на человека. А в бассейнах косатки считаются самым доброжелательным к дрессировщику и другим людям видом. Вот загадка — косатка питается так похожими на человека тюленями и пингвинами, но при этом максимально дружелюбна к человеку.

Кошки и мустелы

Кошку знают все. Она, такая ласковая, такая независимая и полная достоинства. Так привязана к дому, что, говорят, может вернуться к нему, если её увезли от него за сотни километров. Её мурлыканье, пристрастие к тёплому местечку и любовь к сметанке известны нам с самого раннего детства.

66

А про мустелу обычно мало что известно. Великий биолог Линней под древним названием Мустела описал род мелких хищников, к которому сейчас относят горностая, колонка, самого миниатюрного хищника ласку, европейскую норку, солонгоя и хорьков — лесного, степного и черноногого. Мустелой в античном мире называли, как предполагают, африканский подвид лесного хорька.

Между тем в истории приручения домашней кошки и хорька-мустелы много общего. Началось всё с выращивания человеком зерновых культур. Благодаря запасам зерна люди стали реже испытывать голод. Но эти запасы стали привлекать мышевидных грызунов с их фантастической способностью размножаться, если её не сдерживает отсутствие пищи.

В Древнем Египте собранное зерно хранили в амбарах, и люди приветствовали появление в своих домах кошек, истребителей мышей. Постепенно кошка одомашнивалась. И в Египте дело дошло даже до её обожествления. Наши кошки — потомки тех самых египтянок. Они охраняют не только амбары. Когда после блокады Ленинграда в городе, где все кошки были съедены и развелось множество крыс, положение спас завоз из глубины страны двух вагонов кошек. Я не знаю другого такого города, где бы к кошкам относились с таким почтением, как у нас в Ленинграде — Санкт-Петербурге. Сейчас в Эрмитаже 60 кошек даже состоят на службе!

В Древней Греции зерно хранили в амфорах — больших керамических сосудах с узким горлышком. В это горлышко легко проникали мыши и полёвки, но не могла протиснуться кошка. Занырнуть в эту узость могла только тонкая и гибкая мустела, — как и кошка, страстный истребитель грызунов. Отношения человека с ней сложились такие же деловые и тёплые, как и с кошкой. Но прошли столетия, и обычай изготавливать амфоры и хранить в них зерно был забыт. Зерно по-

67

всюду, как и в Египте, стали хранить в ларях амбаров. И кошка, как домашнее животное, почти вытеснила мустелу. Именно почти, но не до конца. Следы домашних мустел нет-нет да промелькнут в истории. Так, специалисты сейчас уверенно утверждают, что на известной картине Леонардо да Винчи “Дама с горностаем”, написанной в конце XV века, изображён не горноста́й, а фу́ро — цветовая форма лесного хорька. Друзья дали мне однажды передержать ручного (домашнего?) лесного хорька.

Ласковый, как кошка, он с удовольствием сидит на руках, любит дышать вам в ухо, слегка его покусывая. И послушен, когда гуляет в шлейке с поводком. Привет из античных веков времён амфор?

Ещё о кошках

Великий физиолог Иван Петрович Павлов изучал условные рефлексы на собаках. Сначала он показал, что у собак, как и у людей, слюнки текут ещё до еды, при виде или запахе вкусенького (вспомните народные сказки). Потом Павлов на собаках научился выводить наружу протоки слюнных желёз, чтобы постоянно наблюдать за отделением слюны. Затем показ еды он стал сопровождать ка-

ким-нибудь второстепенным сигналом — звонком или включением лампочки. Через нескольких повторений сочетания кормления и, казалось бы не имеющего отношения к пище сигнала, слюна начинала выделяться на этот сигнал, даже без показа пищи. Это явление и было названо условным рефлексом: — условный сигнал, звонок или включение лампочки, стал действовать как безусловный — подношение вкусного. Герою этих опытов, павловской собаке, даже поставили памятник.

А с кошками опыты по выработке условных рефлексов часто не получались. Настолько часто, что физиологи вообще отказались от таких работ с кошками, считая их животными с неустойчивой нервной системой. Протоколы с неясными результатами опытов на кошках были надолго и безнадежно сданы в архив.

Прошли десятилетия. Появились компьютеры с их программами обработки всяких сложных дел. И недавно учёные решили обработать на компьютере старые данные опытов по выработке у кошек условных рефлексов. И выяснилась потрясающая вещь — оказалось, что кошки очень быстро понимают, что ожидает от них экспериментатор. И начинают сознательно искажать или саботировать опыт. Иногда кажется, что подопытным становится сам человек!

Присматриваюсь к своему коту и верю этим новым заключениям физиологов — уж очень самолюбив и непредсказуем наш хвостатый полосатый любимец! Захочешь его погладить, и кто знает, коту или мне это надо. И как только с кошками справляется Юрий Куклачёв?

Не всегда верьте мультфильмам!

Для того, чтобы провести на биостанцию линию электропередачи, мы прорубили через лес просеку. На одной из поваленных елей обнаружили гайно. Так называют беличье гнездо, размером раза в полтора шире волейбольного мяча, умело сплетанное из переплетённых и нитей лишайника-бородача. Отверстие гайна было закрыто изнутри — значит, бельчата были дома. Я отпилил сук, к которому было прикреплено гнездо, и перенёс его на своё крыльцо.

Сук прибил к стенке и всё накрыл своего рода коробом из металлической сетки.

Бельчат было трое, они быстро освоились на новом месте. На ночь они засыпали в своём уютном гнезде, закрыв по привычке входное отверстие изнутри. Утром я вставал раньше их и, подойдя к клетке, негромко цокал, как мне казалось, по-беличьи. Сразу же скорые лапки раздвигали стенки гнезда и через круглую дырочку одна за другой появлялись белочки. Каждой предлагалось проверенное лакомство — по длинной сырой макаронине. Усевшись на сучке, зверьки зажимали макаронину передними лапками и быстро-быстро стригли её зубами, продвигая в рот. Картина умилительная,

но пора было подумать, когда выпустить зверьков в природу.

Но я не торопился, потому что из города скоро приедет жена и пятилетняя дочка, а мне так хотелось показать им свой маленький зверинец! И вот приехали мои долгожданные гости. Как всегда, полный восторг от встречи с любимым морем, озером, друзьями, знакомым собачьим племенем. Утром мы покормили бельчат макаронами, и я убежал в лабораторию. Прихожу в обеденный перерыв домой, а там всё вверх дном. Девочка зарёванная, жена с окровавленной кистью руки, собака дрожит от возбуждения. Оказывается, мои дорогие решили перенести гнездо с белками в комнату и там поиграть с этими зверьками. В памяти были свежи мультики с такими милыми зайками, белочками и даже медвежатами. Но ведь наши белки — не сказочные, а живые и даже дикие существа. И повели они себя соответственно своей природе. Из гнезда взрывом взлетели в разные стороны все три белки. Одна мгновенно метнулась в открытую фор-

точку, другая, скользя по голове девочки, и чуть не схваченная лающим фокстерьером Итой, скрылась через входную дверь, а третья, прогрызла зубами руку жены и, повисев на ней, тоже улетела в форточку. Всё это произошло за одну-две секунды, но надолго осталось потрясение от “неправильного” поведения белок. И даже обида на них.

И в этом же году недалеко от нашей биостанции в городе Кандалакше произошло нечто похожее, но уже с участием медведя и более жестоким концом. В местном заповеднике содержали доставленного туда совсем малышом медвежонка. Милый малыш был в городке всеобщим любимцем, так приятно было его тискать и давать ему сладости. За ним ухаживала лаборантка Надя, которая очень гордилась своей ролью и дружбой с Мишкой. А Мишка тем временем рос и вырослел. И научный руководитель Всеволод Николаевич однажды распорядился держать медведя за железной решёткой. А через некоторое время он приказом запретил Наде даже заходить в клетку. Обиде девушки не было предела, и ей сочувствовало всё население городка.

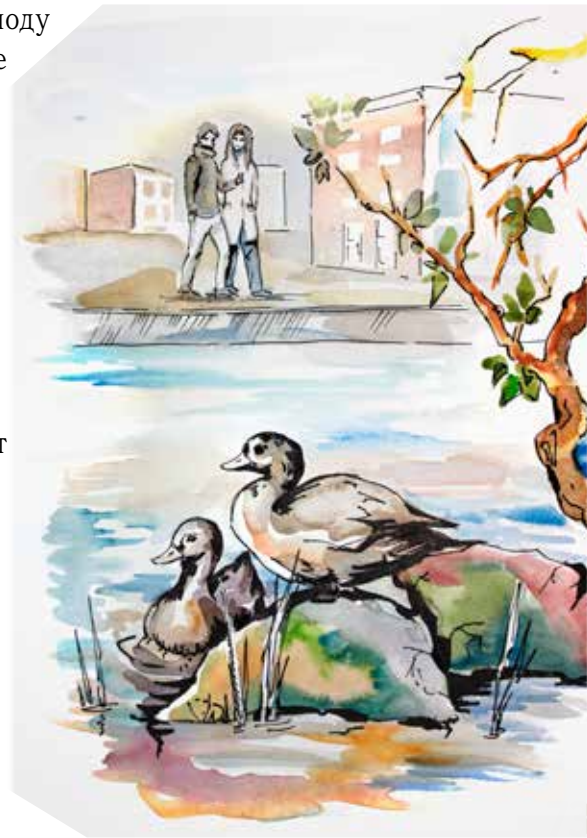
В это время Кандалакшу навестил известнейший в те годы журналист, после чего в центральной газете появилась его статья о жестокости и самодурстве Надиного начальства. В те годы критика в центральной газете всегда означала

немедленное исправление непорядка. Всеволоду Николаевичу пришлось разрешить общение Нади с её воспитанником. А через несколько дней медведь перекусил Наде руку.

Всеволод Николаевич как зоолог знал, что очаровательный, похожий на героя мультфильмов медвежонок, взрослея, всегда превращается в дикого зверя с непредсказуемым поведением.

Не надо всех приручать!

Три раза я приручал воронов и был тронут глубиной привязанности этой птицы, своего рода собаки с крыльями, — верной, ласковой, игривой. К сожалению, это было связано и с доверием к человеку вообще, а среди людей, к еще большему сожалению, не всегда встречаются достойные доверия диких тварей. Все три моих ворона, доверчиво летевших к людям, были ими убиты. Четвертый раз искушать судьбу я не стал.

Когда-то на нашем Кривом озере, откуда идёт питьевая вода для Беломорской биостанции, появилось пять маленьких утят — наверное, осиротевших. Сердобольные сотрудники стали их подкармливать, благо, озеро было рядом с общей столовой. Утята быстро привыкли к людям и мчались к любому человеку, появившемуся на озёрном причале. Они росли, развивались, и скоро можно было определить, что это — свиязи: уточки были поменьше кряквы, с более светлым брюшком. Лето пролетело, открылся охотничий сезон. У дальнего конца нашего озера появились охотники. Утки полетели к этим людям. Промажнуться было невозможно. А я всё размышляю, правильно ли мы сделали, когда стали подкармливать утят.

Иногда именно дикарь приручается к человеку так сильно, что это становится просто мучительным для обоих. Один мой друг воспитывал волчонка. Выросший волчище так привязался к хозяину, что не мог без него быть

ни минуты. Жуткий вой раздавался за дверью, когда мой друг уходил на работу. Боявшийся потерять хозяина, волк в дикой панике метался по комнатам, сбивая всё вокруг. Такого бурного поведения ни одна собака не позволит себе. Как бы ни ликовал волк, когда хозяин возвращался домой, радость общения всё чаще омрачалась материальными потерями. Однажды, перед выходом из дому хозяин привязал волка к батарее центрального отопления (а была зима). Когда вернулся, его ждала разгневанная соседка с нижних этажей — волчище вырвал батарею, и их квартиры основательно залило. На следующий день друг отдал волка в питомник. Честно скажу, волку я почувствовал больше.

Как часто ребяташки летом приносят домой то дроздёнку, то галчонку, то совёнка, то ёжика и т.д. А взрослые дяди могут привезти из леса волчонка, лисёнка, оленёнка, лосёнка, а то и медвежонка. Все с благородным желанием спасти сиротку. Но чаще всего они уводят дитя от затаившихся испуганных родителей. И не могут дать им того, что дали бы родители. И чаще всего обрекают птенцов и зверят на мучения или гибель.

Почему исчезли туры и тарпаны

Тур, дикий предок домашних коров, исчез менее 400 лет назад. Последний тарпан, дикий предок домашней лошади, был отмечен около ста лет назад (одиноким несчастный тарпанёнок пристал к табуну домашних лошадей). От своих одомашненных, служащих человеку потомков, туры и тарпаны резко отличались агрессивностью и абсолютным недоверием к людям. Нельзя было и думать подоить турицу или запрячь тарпана — погибнут, но служить не будут. Значит, первым шагом приручения и одомашнивания наших главных животных крестьянского двора была может быть случайная встреча с теми редчайшими представителями туров и тарпанов, которые в первую очередь отличались от основной массы сородичей неагрессивностью, миролюбием и способностью подчиняться воле человека. И только с этим необычным для природы материалом можно было начинать искусственный отбор на молочность, мясистость, рысистость и пр. Соседство домашних с дикими предками несло начинающемуся животноводству огромную опасность — дикие быки-туры и жеребцы-тарпаны могли увести с собой домашних коров и кобыл, и тогда результаты отбора пресекались бы. Не поэтому ли люди вели с турами и тарпанами постоянную войну и дали им даже другие названия, отделяющие их от коров и лошадей? А недавно я узнал, что встречается, правда очень редко, ненавидимый людьми дикий предок домашних двугорбых верблюдов. Его тоже не любят, гонят подальше от домашних и название ему тоже дали отличительное — хаптагай. Судьба хаптагая, как у туров и тарпанов, печальна: их на Земле осталось не более двух сотен.

Чернобулки академика Беляева

Чернобурых лисиц давно разводят на зверофермах ради ценного меха. Их содержат в клетках, и, думая больше всего о качестве шкурки, совершенно не обращают внимания на их характеры. А характером почти все эти хищницы недоверчивые, злобные и агрессивные. Никому в голову не придет назвать этих зверей домашними.

Но однажды сибирский академик Беляев стал проводить отбор чернобурок на казалось бы совершенно ненужное хозяйствам качество — миролюбие. Из потомства отбирались самые доброжелательные незлобливые особи и только они допускались к размножению. И так многократно. Нет ничего удивительного, что в результате такого отбора лисы стали добрыми, контактными, даже ласковыми. Но удивительно другое — среди них стали регулярно появляться лисята с висячими ушами, белым пятном на груди и даже с хвостом, свёрнутым кренделем! Совсем, как у собак! Такими оказались побочные продукты отбора на миролюбие.

Люди и змеи

Если к клетке с обезьянами поднести змею, они, визжа от ужаса, забиваются в угол, даже если змей никогда в жизни не видели. Мы, люди, как и обезьяны, относимся к отряду приматов и, наверное, тоже наследственно не бываем равнодушны к этим пресмыкающимся.

Однажды в моём военном детстве в тёплый день бабьего лета я в лесу собирал дикие яблоки. По предыдущему году я знал, что, если после заморозков подобрать на убранном поле остатки сахарной свеклы, смешать их с яблочной кислятиной и долго парить в чугунке, в результате получается что-то съедобное, похожее на мармелад. Когда я спускался с яблони (а они в лесу тянутся довольно высоко вверх), на полпути неожиданно испытал непонятно откуда пришедшее чувство ужаса. Потом, как мне кажется, я нашёл его причину — на земле с солнечной стороны ствола моей яблони грелась большая чёрная гадюка.

Ужас и ненависть — чувства близкие. Говорят, от любви до ненависти один шаг. Тогда и от ненависти-ужаса до любви такое же небольшое расстояние. Не этим ли объясняется, что из любителей животных особенно выделяются привязанностью к своим питомцам именно любители змей. В нашем Зоологическом институте группа зоологов, изучающая змей (их называют герпетологами) всегда отличалась каким-то особым отношением к предмету своих исследований. Не от приматов ли это у них?

Пуповина кита

Сначала мы с сыном сходили в любимый Зоологический музей. Постояли под двадцативосьмиметровым скелетом синего кита. Неподалёку экскурсовод рассказывала, как эта махина питается — она фильтрует своими "усами" мельчайший планктон и не может перекусить даже маленькую селёдку. Конечно же, всё это нас потрясло.

Потом мы пошли в находящийся рядом Военно-морской музей. Вдруг мальчик круглыми глазами уставился на толстенный сплетённый из пеньки, якорный канат времён парусного флота.

— Пап! А у китов пуповина, наверное, ещё толще. Как же китиха её перекусывает, если даже селёдку не может?

Несколько дней я расспрашивал коллег-зоологов Ленинграда, но никто даже из читавших курс зоологии позвоночных, не мог ответить на этот вопрос дошкольника. Друзья в Москве нашли только одного — профессора университета Томилина. Он сказал, что перед родами пуповина у китов в двух местах истончается и становится рыхлой. После рождения китёнка она легко разрывается, когда он начинает плавать.

А через несколько лет я узнал, что клетки нашего организма связываются друг с другом пластичным цементом — гиалуроновой кислотой. Этот цемент разрушается ферментом гиалуронидазой. А добывают эту гиалуронидазу в родиль-

ных домах из уже не нужной ни ребёнку, ни матери пуповины.

Совсем недавно по радио рекламировали крем от морщин на основе гиалорунидазы, очевидно, она делает связи между клетками кожи более гибкими. Вот такие мысли и новые сведения последовали после вопроса маленького мальчика.

Про охоту

Не могу вспомнить ни одного случая на охоте, которым бы я гордился. Скорее наоборот, многое вспоминается со стыдом.

Первым моим оружием была рогатка. Тогда они были в кармане каждого мальчишки. Мы сами выбирали в лесу подходящую развилку, обычно из ивы, черёмухи или клёна. На резиновые ленты шла маска противогаза, захват для “пулек” вырезали из язычков выброшенных ботинок. Всё соединяли при помощи тонкой

медной проволоки. Стреляли очень метко круглыми камешками или подшипниками. Иногда развлекались стрельбой из нескольких кусочков специально раздробленного старого чугунка. Неровные пластинки чугунка широко разлетались с особым завыванием. Понятно, что стрелять по цели ими было нельзя.

В тот солнечный день конца лета я пальнул “чугунками” вверх, просто так. И не сразу понял, что произошедшее связано с моей рогаткой. С проводов, где перед отлётом на юг щебетали деревенские ласточки, одна из них со сложенными крыльями бесшумно упала на землю. Долго держал я в ладонях остывающее тельце...

В шестнадцать лет родители подарили мне тульскую курковую двустволку. Тогда в нашем посёлке продавались патроны только с дробью “двухнулёвкой.” Это — картечь на волка. Таких дробин в заряде куда меньше, чем на обычную дичь, но удар от них куда сильнее.

Первый выход с ружьём. Уже совсем темно. Едва поблескивает озеро, тускло просвечивается песчаный берег, совсем тёмно заливной луг. Но высоко в небе время от времени слышен свист утиных крыльев — начинается отлёт. Стреляю вверх, просто так, не разряжать же новенькое ружьё! И через несколько секунд в трёх шагах передо мной тяжело падает птица. Дома рассмотрел — это был кра-

савец селезень. И что? Я могу гордиться своим метким выстрелом?

Иду по лесу с верным дружкой, фокстерьером Итой. Порода эта выведена специально, чтобы травить в норах лисиц и барсуков. Нам это сегодня не предстоит — мы просто гуляем. Ита обычно забегает вперёд. Но ружьё у меня по привычке за плечами. Какие-то странные звуки слышались впереди. Выхожу на полянку. Под большой сосной сидит моя Иточка и, необычно поскуливая, смотрит вверх. А там на ветке сосны, весь на виду смотрит вниз, с любопытством свесив голову, огромный глухарь. Выстрел принёс мне прекрасный трофей. Но могу ли я им гордиться?

Как хорошо, что я давно не охотник!

Кто это? Почему не знаю?

В свои семь лет Наташа прилично знала птиц и зверей. Каждый выходной день она просила сводить её в зоологический музей или зоопарк. Своими знаниями она очень гордилась и успешно в этом направлении просвещала маму, между прочим, выпускницу биофака.

Летом, перед школой, мы гостили в деревне под Воронежем. Идём по улице вдоль знакомых мне с детства белых мазаных домиков с обычным для этих мест набором домашней живности. Вдруг шагающая впереди девочка резко останавливается и расширившимися глазами смотрит через сетчатый забор. И свистящим шопо-

том спрашивает: “Кто это? Почему не знаю?”

Не сразу понял, что наш маленький зоолог не просто первый раз в жизни увидел индюка, но даже не подозревал о существовании этой птицы. А откуда ей знать индюка? У нас на северо-западе эту птицу не разводят, в зоопарках их не держат, чучел в музеях не выставляют.

Недавно три часа проехал на электричке от Петербурга в сторону Москвы. Чтения не захватил, и поэтому смотрел в окно. За всю дорогу увидел только одну корову, у одинокого домика путевого обходчика и не увидел ни одного стожка сена. Там, где лет пятнадцать назад везде, где можно было косить, трава была скошена, а коровы всегда были в поле зрения.

И я представил, что детишки новых поколений будут знакомы с обычными в зоопарках и музеях жирафами, зебрами, буйволами и они вздрогнут от неожиданности при виде коровушки.

Не давите червяков!

Прошёл первый летний тёплый дождь. Вода залила на газонах норки земляных червей, и они стали искать для себя новые места, выползая на поверхность и становясь заметными. Поэтому их ещё называют дождевыми червями. Иногда, как в тот раз, они даже выползают и на тротуары.

— Раздави эту гадость! — слышу громкий женский крик. Оглядываюсь: трех-четырёхлетний малыш старательно сандаликом размазывает на асфальте дождевого червяка.

И я подумал — сейчас червяка, потом котёнка, а потом без резкого перехода и человека пырнёт ножиком. Говорят же, что у многих преступников-убийц в детстве проявлялась жестокость по отношению к животным. Вспомнилось, что ещё великий биолог Чарльз Дарвин обратил внимание на роль дождевых червей в создании плодородной почвы в наших полях, садах и лесах. Они перерабатывают опавшую листву и отмершую траву, превращая их в наилучшее удобрение, и при этом рыхлят почву, обогащая её кислородом. Недаром их называют невидимыми пахарями.

Однажды в бесплодной пустыне пробили глубокую скважину, из которой забила вода. Решили создать здесь оазис, благо тепла и солнца тут в избытке. За-

везли навоз, перемешали его с бесплодным песком, обильно всё полили и посеяли семена разных растений. И... ничего не получилось! До тех пор пока не посадили в эту влажную смесь дождевых червей. Они то и создали продуктивную почву. А ведь такая работа дождевых червей незримо происходит везде, где есть растения. Вот что вспомнилось после вопля глупой мамы!

Все обожают пырей

Должен признаться, я часто нарушаю запрет кормить в зоопарке животных и даже приучил к этому дочку. Происходит это только летом. При этом мы не приносим еду из дома и не покупаем её в ближайшем ларьке.

Началось всё с посещения вольера с водоплавающими птицами. Мы обратили внимание на то, что на берегах прудика не было ни травинки, они были похожи на тщательно подметенный асфальт. Вспомнили, что домашние гуси щиплют травку. Наверное и дикие гуси быстро истребили её в своём вольере. А у нас под ногами, с нашей стороны заборчика густо разросся сочный пырей. Быстренько нарвали пучок этой травы и бросили гусям. Видели бы вы, с какой жадностью заглатывали гуси траву. Наобщавшись с гусями, пошли дальше.

Огромный амурский тигр неспеша сгрызал мясо с кости. Мы вспомнили, как реагирует на принесённый ему пырей наш кот Джерик и решили бросить пучок травы его родственнику тигру. Тигр оторвался от мяса, довольно бодренько по-

86

вернулся к пучку пырея и жадно стал его жевать, так что из пасти за-
капала зелёная слюна.

Следующим нашим подопытным был бурый медведь. Этот зверь
умело кланчил сладости, стоя на задних лапах и похлопывая передни-
ми себя по груди. В него бросали пряники и конфеты, которые он тут
же подбирал и снова начинал просить отработанным приёмом. Когда до
него долетел наш пучок пырея, медведь занялся только им, не обращая
внимания на лежащие рядом пряники. После этого мы уже не удивля-
лись такой же реакции на пырей волка, лисицы, леопарда, павианов.

С некоторым сомнением мы бросили пучок пырея белому медве-
дю — ну где этот обитатель полярных льдов мог встретиться с зеленью.
Реакция белого медведя была такой же, как у бурого собрата.

С тех пор мы с Наташей, когда приходили в зоопарк, первым делом
смотрели, есть ли близко пырей и, если не зима, всегда его находили.
И ещё мы заметили, что эту траву звери предпочитают всякой другой.
Вот над этим стоит задуматься. Что-то в пырее есть особенно привле-
кательное и, наверное, полезное. И, если полезное действительно обна-
ружится, вспомним опыты тридцатых годов прошлого века по созданию
пшенично-пырейного гибрида. Предполагалось, что от пшеницы гибрид
получит её урожайность и качество зерна, а от пырея его способность
расти повсюду и то, что он многолетник. Посеял однажды, а дальше

только каждый год убирай урожай. Тогда из затеи ничего не
вышло, но автор её, Николай Васильевич Цицин, был избран
академиком. Сейчас, когда генетики научились многому но-
вому, к этой идее можно вернуться.

Символ Гражданской войны

По рассказам, очень много моих родственников погибло
в Гражданскую войну. Большею частью это были совсем не-
давно мирные люди — крестьяне, сельские учителя, священ-
ники. Священников расстреляли большевики. Остальных
забрали в армию, Красную или Белую, и они не вернулись.
Бабушка мне говорила, что ничего нет страшнее граждан-
ской войны, когда брат идёт на брата.

Спрашиваю отца, который в Гражданскую был мальчи-
ком: “Что тебе запомнилось больше всего о том времени?”

— В нашей воронежской степи после боёв умирает
от ран лошадь. Приподняв голову, смотрит последний раз
на заходящее багровое солнце. В огромных глазах слёзы —
за что?

87

Из жизни муравьёв

Московский энтомолог Анатолий Захаров научился метить новорожденных муравьёв таким образом, что стало возможным проследить всю жизнь отдельного насекомого. И открылись удивительные вещи.

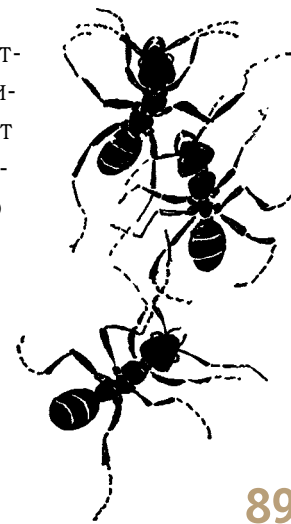
Новорожденным считается муравьишка, только что вышедший из куколки, известной более под неправильным названием “муравьиное яйцо”. Все муравьи в муравейнике — дети одной матери-матки. Основная масса этих детей — рабочие особи, приходящиеся друг другу родными сёстрами. Сёстры-рабочие обеспечивают всю сложную жизнь муравейника, его строительство, ремонт, поддержание комфорта, обеспечение пищей. Матка никогда не покидает муравейника. Её единственное дело, требующее покоя и больших затрат — производство детей из огромного количества ежедневно откладываемых яиц. Из яйца развивается куколка, а из куколки и рождается муравей. Новорожденные муравьи остаются недалеко от матки, и их главное занятие — уход за ней: кормление, уборка. Они же следят за куколками, чтобы те не перегревались и не переохлаждались.

По мере взросления и перехода в другую возрастную группу муравьи всё дальше перемещаются от центра муравейника, где располагается матка, к периферии. Жизнь муравейника строится на строгой дисциплине, которая держится на подчинении менее опытных более опытным. И этот опыт накапливается по мере удаления муравьёв от центра. Работающие на поверхности муравейника опытнее тех, кто работает постоянно внутри. А самые авторитетные — это дале-

ко уходящие от своего дома разведчики и добывающие еду фуражиры. Их “указаниям” должны подчиняться все “нижестоящие”. Кроме того, в каждой возрастной группе происходят ритуальные турниры с выяснением отношений и установлением соподчинённости.

Очень интересна судьба стареющих особей самых авторитетных муравьёв. Таких немного: не каждому удаётся избежать жвал жулици, клюва птицы, а то и пасти медведя. Так вот, многоопытный, но уже стареющий ветеран оказывается вновь перемещается в центр муравейника и начинает обучать молодёжь “первого круга”, которая обслуживает матку!

Мне всё это напомнило жизнь человека. Лет до пяти он держится за мамину юбку. Потом начинаются дворовые игры со своими лидерами у младших и старших. Потом взрослеющие старшие уезжают далеко от дома — кто служить в армии, кто учиться в вузе, кто на заработки. Часто очень надолго. Чем не муравьи-фуражиры? И можно представить себе правдоподобную картину. Седобородый с согбенными плечами старец, в прошлом наводивший великий ужас на лётчик-джигит, или бродивший по заработкам гастарбайтер возвращаются к родному дому и тихо нянчат на завалинке внуков или правнуков. Жизненный опыт делает этих старцев мудрыми миротворцами.

СОДЕРЖАНИЕ

Из детства

Семь сорочат	5
Блокадные мышки	6
А мясо-то лучше!	8
Жеребец Дикарь и котёнок	9
Бобры на Смоленке	11
Пернатые хищники	12

В городе

Воробьи и мороженное	19
Белка-миротворец	20
Хромой голубок	21
Охрана и ворюги	21
Серые вороны	22
Свиристели	27
Друг Крыс	28
Серебристые чайки	30
Уж	31
Попугай Рома	32
Кормушка на моём окне	34

На Белом море

Дятел-музыкант	39
Ценители красоты	41
Две гагары	44
Зовут в море	45
«Топляк»	47
Узкие специалисты	49
Ворон Клара	50

Обиженный медведь	53
Тенгизка и медведица	57
На переломе: июль-август	58

Размышления

Отчаянные раколовы	63
Самый большой хищник на планете	64
Кошки и мустелы	66
Еще о кошках	66
Не всегда верьте мультфильмам!	70
Не надо всех приручать!	73
Почему исчезли туры и тарпаны	76
Чернобулки академика Беляева	77
Люди и змеи	78
Пуповина кита	79
Про охоту	80
Кто это? Почему не знаю?	82
Не давите червяков!	84
Все обожают пырей	85
Символ Гражданской войны	87
Из жизни муравьев	88

Хлебович
Владислав Вильгельмович

ЖИВОТНЫЕ И МЫ

Художники Э.Н. Егорова, Г.А. Кузнецова, А. Мещанова
Верстка Е.В. Дольник

Подписано в печать 14.10.2013. Формат 60 х90/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Гарнитура QuantAntiquaC. Печ. л. 5,75.
Тираж 300 экз. Заказ № Пет-053.

Отпечатано с оригинал-макета
в типографии Издательского дома КДУ.
119234, Москва, а/я 587. Тел./факс (495) 638-57-34;
e-mail: kdu@kdu.ru; www.kdu.ru.